

ЗНАНИЕ - ВЛАСТЬ!

Концептуальное приложение. Срок актуальности информации - не ограничен.

ГОСУДАРСТВО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Сергей Кара-Мурза

Наше постсоветское государство и общество переживают длительный глубокий кризис. Однако ни политологи, ни политики партии до сих пор не могут дать ясного изложения его природы. Чаще всего на первый план выдвигается описание *социальных* последствий этого кризиса. По инерции, болезнь общества трактуется в понятиях классового подхода. Неадекватность данного подхода к политическим процессам, протекающим в РФ или на Украине, почти очевидна. Да, меняется состояние стабильных ранее социальных групп, но разве можно свести только к этому майданное противостояние на Украине? А как объяснить политическую пассивность обедневшего большинства в России: равнодушное отношение к приватизации и к перераспределению доходов?

Надо преодолеть узость подхода, сводящего всю жизнь общества к динамике социальных групп. Пора исследовать, что происходит со всей системой связей, объединяющих людей в общности, а их - в общество. **Гораздо более фундаментальными, нежели классовые отношения, являются связи, соединяющие людей в народ.** Связи эти поддаются целенаправленному воздействию, и технологии такого воздействия совершенствуются. Значит, народ можно "разобрать", демонтировать - так же, как сегодня на наших глазах демонтируется рабочий класс или научно-техническая интеллигенция РФ. **И если какая-то влиятельная сила производит демонтаж народа нашей страны, то теряет силу и ее государственность - власть остается без народа.** При этом ни образованный слой, мыслящий классовыми категориями, ни политические партии, "нарезанные" по принципу социальных интересов, этого "фокуса" даже и не замечают.

Сейчас кажется даже странным, что в "правлящем слое" - от Горбачева до Путина - вообще не встал вопрос: **над кем он властвует?** Это особенно странно, потому что те, кто шел к реальной власти уже в конце 80-х годов, эту проблему довольно ясно представляли себе уже при Горбачеве. А теперь они готовятся ко второму раунду битвы за свою власть, уже в форме "оранжевых" революций. В начале "реформ" антисоветская элита видела в замечаниях "прорабов перестройки" лишь поддержку в своем проекте разрушения советского государства, а "просоветская" часть общества этими замечаниями возмущалась, как абсурдными и аморальными. На деле уже тогда речь шла о создании идеологической базы для космополитических "оранжевых" революций.

Суть проблемы сводилась к вопросу: **что же такое демос, который теперь и должен получить всю власть?** Ведь *демократия* - это власть *демоса*! Да, по-русски "демос" означает *народ*. А правильно ли нам перевели это слово, не скрыли от нас какую-то важную деталь? Да, оказывается, скрыли, и даже сознательно ввели в заблуждение! **Само слово народ имеет совершенно разный смысл в традиционном и в гражданском западном обществах.**

В царской и советской России существовало устойчивое понятие народа. Оно вытекало из священных понятий Родина-мать и Отечество. Народ - надличностная и "вечная" общность всех тех, что считал себя детьми Родины-матери и Государства-Отца. (Российская власть всегда персонифицировалась в лице "царя-батюшки" или другого "отца народа", в том числе коллективного "царя" - Советов). Как в христианстве "все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии" (и к тому же "Мы - дети Божии... а если дети, то и наследники"), так и на земле все, "водимые духом Отечества", суть его дети и наследники. **Все они и есть народ - суверен и источник власти.** Небольшая кучка отщепенцев, отвергающих "дух Отечества", из народа выпадает, а те, кто отвергает этот дух особенно активно, становятся "врагами народа". Дело власти - за ними следить, их увещевать, а то и наказывать.

Таков был русский миф о народе, многое почерпнувший из Православия и из космологии крестьянской общины. Мы никогда не соотносили его с иными представлениями. А ведь уже даже на ближнем от нас феодальном Западе их государственность строилась на совсем других толкованиях Традиции. Например, в Польше и Венгрии вплоть до XIX века сохранялась *аристократическая* концепция нации. Так, "венгерскую нацию" составляли все благородные жители Венгрии, даже те, кто венграми не был и по-венгерски не говорил. Однако из состава нации исключались все крепостные и даже свободные крестьяне, говорившие на диалектах венгерского языка. Представления венгров о своем народе

де быстро изменялись в ходе сдвига, всего за столетие с небольшим, от *аристократического* к *пролетарскому* национализму.

Аристократическое понимание народа было кардинально отвергнуто в ходе великих буржуазных революций, из которых и вышло современное *гражданское общество*. Было прямо сказано, что приверженцы старого порядка - всего лишь *подданные* государства ("монарха"). Народом, демосом, становятся лишь те, кто стали гражданами и совершили революцию, обезглавив монарха. **Именно этот, новый народ и получает власть, а также становится наследником собственности.** И этот народ должен вести непрерывную войну против всех тех, кто не вошел в его состав ("быдла").

В фундаментальной "Истории идеологии", по которой учатся в западных университетах, читаем: *"Демократическое государство - истощающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией... Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как "народ" утверждается через революцию, а политическое право - собственностью... Таким образом, эта демократия есть не что иное как холодная гражданская война, ведущаяся государством"*.

В понятиях политической философии Запада индивиды соединяются в народ через гражданское общество. Те, кто вне гражданского общества, не народ. С точки зрения западных исследователей России, в ней даже в середине XIX века не существовало народа, так как не было гражданского общества. Путешественник маркиз де Кюстин писал в своей известной книге о России (1839 г.): *"Повторяю вам постоянно - здесь следовало бы все разрушить для того, чтобы создать народ"*. Это русофобское требование почти буквально стало выполняться полтора века спустя, российскими демократами. Они, впрочем, преуспели пока что только в разрушении. Однако выращиваемый в пробирке реформ новый народ не прибавляет в весе.

Символическое значение декларации, в которой небольшая часть населения, выступающая против власти, **объявляет себя народом**, красноречиво проявилось в ноябре 1989 г. в ГДР. Тогда митинг молодежи в Дрездене стал скандировать: **"Мы - народ!"** Этот "новый народ" получил внешнюю легитимацию от беспрекословных в ГДР авторитетов. Более того, такая акция стала возможной вследствие разрешения от правящей верхушки двух великих держав - США и СССР. Раньше этот митинг не мог бы состояться и не имел бы смысла, потому что этому молодому авангарду резонно ответили бы: почему это вы - 1% населения ГДР - народ? Народ - это все 14 миллионов восточных немцев, и воля их выражена ими несколькими способами.

В использовании символа "народ" в ГДР был совершен очень важный поворот (возможно, неожиданный для Горбачева, но наверняка согласованный с Западом). Вначале митингующие кричали: *"Wir sind das Volk!"*, что буквально означало **"Мы - народ!"** Затем вдруг определенный артикль был заменен на неопределенный: *"Wir sind ein Volk!"* И возникла неопределенность, которая могла трактоваться и трактовалась как **"Мы - один народ!"** Так митинг декларировал не только свое право как **народа** решать свою судьбу, но и **объявлял о своем решении объединиться с ФРГ в один народ**. Массы населения поняли, что вопрос решен и приветствовали нового суверена.

В СССР сходный процесс управляемого "нацбилдинга"

происходил исподволь. Мысль, что население СССР (а затем РФ) **вовсе не является народом**, а народом является лишь скрытое до поры до времени в этом населении **особое меньшинство**, развивалась нашими демократами, начиная с середины 80-х годов. Тогда эти рассуждения поражали своей *недемократичностью*, но подавляющее большинство просто не понимало их смысла. Как не поняло оно в своей массе смысла созданного и распространенного в конце 80-х годов понятия *"новые русские"*.

Этот термин был воспринят как обозначение обогатившегося меньшинства, хотя идеологами первоначально подобный конструкт сознательно разрабатывался как обозначение тех, кто отверг именно "дух Отечества". Или, как было сказано при введении самого термина, **"новые русские" - это те, отверг русский Космос, который пострашнее Хаоса**. Кинокритик А.Плахов писал, что понятие *"новые русские"* зародилось в среде художественной интеллигенции как *"попытка освобождения от груза проблемности и мессианских замашек, которыми грешили все "старые" русские"*. И далее Плахов вскользь замечает, что **"в ряды движения выбирали отнюдь не по принципу славянской принадлежности"** ("Независимая газета", 10 января 1992 г.).

Ненависть возникающего в революции-перестройке нового народа к традиционному народу, была вполне осознанной. В журнале "Век XX и мир" (1991, № 7) один такой "новый" гражданин писал в статье "Я - русофоб": *"Не было у нас никакого коммунизма - была Россия. Коммунизм - только следующий псевдоним для России... Итак, я - русофоб. Не нравится мне русский народ. Не нравится мне само понятие "народ" в том виде, в котором оно у нас утвердилось. В других странах "народ" - конкретные люди, личности. У нас "народ" - какое-то безликое однообразное существо"*.

В 1991 г. самосознание "новых русских" как народа, *рожденного революцией*, вполне созрело. Их лозунги, которые меньшинству казались абсурдно антидемократическими, на деле были именно демократическими - но в понимании западного гражданского общества. Потому что только причастные к этому меньшинству были демосом, народом, а остальные остались быдлом, "совками". Г.Павловский с некоторой иронией писал в июле 1991 г.: *"То, что называют "народом России" - то же самое, что прежде носило гордое имя "актива" - публика, на которую возлагают расчет. Политические "свои"..."*.

Это самосознание нового "народа России" пришло так быстро, что удивило многих из их собственного стана. Им было странно, что это меньшинство, борющееся против лозунга "Вся власть - Советам!" исходя из идеалов демократии, теперь **"беззастенчиво начертало на своих знаменах: "Вся власть - нам!"**. Ничего удивительного, вся власть - им, потому что только они и есть народ. Отношение к тем, кто их власть признавать не желал, было крайне агрессивным. В "Московском комсомольце" (12.02.1992) поэт А.Аронов писал об участниках первого митинга оппозиции: *"То, что они не люди, - понятно. Но они не являются и зверьми. Они претендуют на позицию третью, не занятую ни человечеством, ни фауной"*.

О составе этого нового "избранного" народа, вызревшего в советском "народе подданных", поначалу говорилось глухо. Картину можно было составить лишь из отдельных мазков - коротких статей, выступлений, оброненных туманных намеков. Так, в "перестроечной" среде получила второе дыхание **идея о том, что интеллигенция представляет собой особый народ, не знающий границ и "своей" государственности**. Идея эта идет от времен научной революции и просвещенного ма-

сонства XVIII века, когда в ходу была метафора "республика ученых". Она означала влиятельное экстерриториальное международное сообщество, образующее особое невидимое государство - со своими законами, епископами и судами. Во время перестройки, когда интеллектуалы-демократы искали опору в "республике ученых" (западных), стали раздаваться голоса, буквально придающие интеллигенции статус особой национальности.

Румынка С. Иначе, получившая известность как борец за права меньшинств, писала в 1991 г.: *"По моему мнению, существует еще одна национальность, называемая интеллигенцией, и я хотела бы думать, что принадлежу также и к ней"*. А вот развернутое рассуждение Г.Павловского о "его народе", интеллигенции: *"Русская интеллигенция вся - уникальнейшая: инженеры, поэты, жиды. Её не обольстишь идеей национального (великорусского) государства... Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность "республиканских великоруссов" едва ли поместится... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека"*.

Павловские тогда говорили открыто, что *"русский интеллигент является носителем суверенитета, который не ужился ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой"*. И призывали к себе в союзники немецкого философа Карла Ясперса, который прямо писал о праве меньшинства на гражданскую войну. Но только в том случае, когда власть пытается навязать самой конструкции государства "неприемлемый либеральному меньшинству и направленный против него религиозный или политический образ". Глеб Олегович образца 1991 г. в журнале "Век XX и мир" с пафосом заключал: *"Что касается моего народа - русской интеллигенции, а она такой же точно народ, как шахтеры, - ей следует избежать главной ошибки прошлой гражданской войны - блока с побеждающей силой. Не являясь самостоятельной политической силой, русская либеральная интеллигенция есть сила суверенная - ей никому передоверять свою судьбу суверенного народа"*.

Сейчас Павловский поет другие, антилиберальные песни, но это неважно, он личность сложная и неоднозначная. Однако ГОП высказал в 1991 г. стратегические идеи "новой России", в них и надо вникать. Правда, тогда он был еще покладист - антилиберальное большинство тоже называл народом. Более того, *точно таким же*, как интеллигенция, народом он называл даже шахтеров. Тех, кого во время "оранжевой" революции в Киеве в 2004 г. прямо обозначили как **быдло**, противостоящее **народу** (Впрочем, в 1991 г. демократы шахтеров похваливали, желая под руководством умелых режиссеров устроить общесоюзный Майдан).

Замечательно, что эйфория "нового народа" от его грядущей победы вовсе не обманула проникательных идеологов. Они видели, что власть этого демоса эфемерна, **слишком уж он невелик**. Поэтому публикации тех лет были наполнены жалобами на то, что **нет у нас социальной базы для демократии** - вокруг один **охлос**, люмпены.

Уже в самом начале реформы была поставлена задача изменить тип государства - так, чтобы оно изжило свой патерналистский характер и перестало считать все население народом (и потому собственником и наследником достояния страны). Теперь утверждалось, что настоящей властью может быть только такая, которая защищает настоящий народ, то есть "республику собственников".

Один известный публицист свысока объясняет: *"Мы веками проникались уникальной философией единой отеческой власти. Эта философия тем более жизнеспособна, что она является не только официальной государственной доктриной, но и внутренним состоянием большинства. Эта философия отвечает наиболее простым, ясным, безо всякой интеллектуальной натуги воспринимаемым представлениям - семейным. Наши государственно-правовое сознание пронизано семейными метафорами - от "царя-батюшки" до "братской семьи советских народов"... Только появление суверенного, власть имущего класса свободных собственников устранил противоречие между "законной" и "настоящей" властью. Законная власть будет наконец реализована, а реальная - узаконена. Впоследствии на этой основе выработается новая философия власти, которая изживет традицию отеческого управления"*.

Говоря об этом фундаментальном разделении, идеологи перестройки в разных выражениях давали характеристику того большинства (охлоса), которое не включалось в народ и **должно было быть отодвинуто от власти и собственности**. Это те, кто жил и хотел жить в "русском Космосе". Г. Померанц пишет так: *"Добрая половина россиян - вчера из деревни, привыкла жить по-соседски, как люди живут... Найти новые формы полноценной человеческой жизни они не умеют. Их тянет назад... Слаборазвитость личности - часть общей слаборазвитости страны. Несложившаяся личность не держится на собственных ногах, ей непременно нужно чувство локтя... Только приоритет личности делает главным не место, где проведена граница, а легкость пересечения границы - свободу передвижения"*.

Здесь - отказ уже не только от культурного Космоса, но и от места. Очевиден отрыв от Родины-матери и тяготение этого "нового народа" к тому, чтобы включиться в глобальную расу "новых кочевников". Здесь же мы встречаем прообраз будущей "оранжевой" антироссийской риторики - Померанц уже в 1991 г. утверждает, что под давлением "слаборазвитости" охлоса *"Москва сеет в Евразии зубы дракона"*.

В требованиях срочно изменить тип государственности идеологи народа собственников особое внимание обращали на армию - задача создать наемную армию карательного типа была поставлена сразу же. Д.Драгунский пишет: *"Поначалу в реформированном мире, в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан ["может быть, только одна десятая населения"]... Надо отметить, что у жителей этого светлого круга будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей кромешной (то есть внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ окажется не только экономическим или социальным - он будет еще и правовым... Но для того, чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестком виде, особую роль призвана сыграть армия... Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее - защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас принято уже семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь..."*.

Здесь изложена доктрина реформ 1990-х годов в интересующем нас аспекте. На первом этапе реформ создаются лишь "оазисы" рыночной экономики, в которых и будет жить **демос** (10% населения). В **демократическом** (в понятиях данной доктрины) государстве именно этому демосу и станут принадлежать власть и богатство. Защищать это просвещенное за-

житочное меньшинство от бедных (от *бунтующих люмпенов*) станет реформированная армия с новыми ценностными ориентациями. Кольшущаяся на грани нищеты масса (90% населения) - *охлос*, лишенный и собственности, и участия во власти. Его надо "сдерживать" и, по мере возможности, рекрутировать из него и воспитывать пополнение демоса (по своей фразеологии это - типичная программа **ассимиляции национального меньшинства**).

Каков же результат осуществления программы "демократов" за прошедшие пятнадцать лет? **Все это время в стране шла холодная гражданская война нового народа (демоса) со старым (советским) народом. Новый "народ власти" был все это время или непосредственно у рычагов управления, или около них.** Против большинства населения (старого народа) применялись прежде всего средства *информационно-психологической и экономической войны*, а также и прямые репрессии с помощью реформированных силовых структур. (Подавляющее большинство из миллиона заключенных в местах лишения свободы, как и основная масса жертв преступного насилия, - представители обедневшей части населения, превращенной в "охлос".)

Экономическая война против советского народа внешне выразилась в лишении его общественной собственности ("приватизация" земли и промышленности), а также личных сбережений в результате гиперинфляции. Это вызвало глубокой кризис народного хозяйства и утрату социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников сельского хозяйства. **Резкое обеднение большинства населения привело к кардинальному изменению всего образа жизни** (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характеру жизненных планов).

Изменение образа жизни при соответствующем идеологическом воздействии означает глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушает мировоззренческое ядро цивилизации. Перемены в жизнеустройстве такого масштаба уже не подпадают под категорию *реформ*. Речь идет именно о *революции*, когда, по выражению Шекспира, "развал в стране и всё в разъединенье". По словам П.А. Сорокина, реформа "не может попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам". Человеческая природа каждого народа - это укорененные в подсознании фундаментальные ценности, которые уже не требуется осознавать, поскольку они стали "естественными". Изменения в жизнеустройстве советского народа в РФ именно попирали эту социальную "природу" и противоречили "базовым инстинктам" подавляющего большинства населения.

Крайне жесткое, во многих отношениях преступное, воздействие на массовое сознание (информационно-психологическая война) имело целью непосредственное разрушение культурного ядра советского народа. В частности, был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину. Историческая память - одна из важнейших духовных сфер личности, скрепляющая людей в народ. По своим масштабам программа разрушения исторической памяти, проводимая со второй половины 80-х годов XX века, намного превзошла аналогичную кампанию, которая велась с 1925 г. - также в условиях холодной гражданской войны между "космополитическим" и "почвенническим" течениями в большевизме. Та кампания была травмирующим образом прекращена в 1934 г., когда произошел перелом в соотношении сил в пользу сталинизма.

Сдвиги и в общественном сознании, и в образе жизни были инструментами для демонтажа народа, составляющего советское общество, являющегося тем *демосом*, на согласии которого держалась и легитимность советской государственности, и сила советского государства. К 1991 г. советский народ был в большой степени "рассыпан" - осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эту массу демократы и называют *охлосом*.

В результате экономической и информационно-психологической войны была размонтирована "центральная матрица" мировоззрения населения России, оно утратило систему ценностных координат. Медики даже говорят о разрушении *динамического стереотипа*, вырабатываемой в культуре способности ориентироваться в социальном пространстве и времени. Именно этим они объясняют аномально высокую смертность населения трудовых возрастов. Этим же во многом обусловлен и всплеск преступности, особенно с применением насилия.

Кризис мировоззрения в советском обществе начался задолго до реформы 90-х годов, он явился ее предпосылкой. Его проявлением стало зарождение *социалистического постмодернизма*. Суть его, как и вообще постмодернизма, состояла в релятивизации, разрыхлении ядра системы ценностей, в ослаблении ее иммунитета против ценностей социальных патологий (признаком этого было, например, бурное развитие уголовной лирики, широкая популярность диссидентских воззрений в широком смысле слова). Перестройка нанесла по ослабленному культурному основанию народа мощный удар и в большой мере его разрушила (точнее, парализовала волю).

Используя введенный в 70-х годах термин, можно сказать, что в 90-е годы **мировоззренческая матрица народа Российской Федерации представляла собой ризому - размонтированную среду без матричной иерархии, среду "тотальной равнозначности", лишенную "образа истинности"**. Это утрата связной картины мира и способности к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

В этом состоянии большинство населения РФ действительно утратило некоторые важнейшие качества народа, необходимые для выработки программы и для организации действий в защиту хотя бы своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает ее лишен больной человек, который еще вчера был зорким, сильным и энергичным. Но и в этом болезненном состоянии он продолжает подвергаться тяжелым ударам, направленным на разрушение его самосознания.

В начале реформ господствующее меньшинство утверждало, что речь будет идти о "пересборке" народа, о консолидации атомизированных индивидов, "освобожденных" от уз советского тоталитаризма, в классы и ассоциации, образующие гражданское общество. Этому должны были служить новые отношения собственности и создание системы политических партий, представляющих интересы классов и социальных групп. На первом этапе эти партии должны были принять активное участие в демонтаже старого народа.

В соответствии с этим планом должны были быть реформированы и механизмы, "воспроизводящие" общество - школа, СМИ, культура и т.д. При этом, как утверждалось, должен был возникнуть новый "средний класс" и таким образом образоваться достаточно многочисленный демос. Для выжившей при таком переходе части обедневшего населения, остающейся в статусе *охлоса*, предполагалось создание систем благотворительности и право на социальные протесты. Как

известно, эти планы оказались утопическими и выполнены не были. Гражданского общества и обширного "среднего класса" не возникло. Возникла патологическая, резко поляризованная социальная система.

В этой системе большинство населения РФ в его нынешнем обесцененном состоянии "съезживается" и низводится до положения бесправного меньшинства. В рамках демократических процедур (например, выборов) это "меньшинство" не может отвоевать и защитить свои права и обречено на вымирание. Тот факт, что в численном отношении этот "бывший" народ находится в РФ в большинстве, при установленной демократии западного образца не имеет никакого значения - как для англо-саксонских колонизаторов Северной Америки не имела значения численность индейцев при распределении собственности и политических прав.

Этот момент даже закреплён в праве. Специалист по правам человека К.Нагенгаст так разъясняет смысл ярлыка "меньшинство": *"В некоторых обстоятельствах и с определенной целью в качестве меньшинств рассматриваются... и люди, составляющие численное большинство в государстве, но лишённые при этом на уровне законодательства или на практике возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами"*. Другой антрополог Дж.Комарофф специально отмечает: *"Я заключаю слово "меньшинства" в кавычки, поскольку во многих случаях подобные группы обладают фактическим численным большинством, но при этом относительно безвластны"*.

Именно так и обстоит дело в РФ - на практике численное большинство в государстве лишено возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами. Практика эта определена тем, что и собственность, и реальная власть целиком принадлежат представителям другого народа - того самого демоса, о котором говорилось выше. Именно эти представители диктуют экономическую, социальную и культурную политику. Большинство населения против монетизации льгот или смены типа пенсионного обеспечения, но власть предпочитает этого не замечать. Большинство страдает от программной политики телевидения, выступает против смены типа российской школы или ликвидации государственной науки - на это не обращают внимания. Большинство не желает переделки календаря праздников, не желает праздновать День независимости, власти не обращают внимания и на это. И все вполне законно, потому что в созданной победителями политической системе это численное большинство - охлос, пораженный в правах.

Конечно, ярлык "меньшинство" - не более чем символ, но символ, который отражает реальность. Ведь в социальных процессах важна не численность общественной группы, а ее "мощность", аналогично тому, как в химических процессах важна не концентрация агента, а активность. (Подтверждением сказанному служит тот факт, что меньшинствами считаются индейцы Перу, Боливии и Гватемалы, а до недавнего времени считалось и черное население ЮАР, составляющее 80% жителей страны.) Этот ярлык узаконивает политическую практику в глазах демоса. Иначе господствующее в РФ меньшинство не могло бы считать себя демократами и получать подтверждение этого титула на Западе. Чувствуя, что неравенство в распределении прав и богатства носит в РФ вовсе не классовый, а постмодернистский квазиэтнический характер, часть русских, пытаясь нащупать понятное обозначение сложившегося состояния государства, выражает его в простой, но неверной формуле: "к власти пришли евреи".

Неверна эта формула потому, что хотя евреи и слишком "видимы" в верхушке господствующего меньшинства, они присутствуют там вовсе не в качестве представителей еврейского народа, а как организованная и энергичная часть оскоба нового сборного народа, созданного в ходе перестройки и реформы. И на любое проникновение во властную элиту людей и групп, которые по своей мировоззренческой матрице не вполне принадлежат к этому новому народу, весь он, независимо от исходной национальности Ясина или Яковлева, реагирует на это чрезвычайно болезненно. В.В. Путин привел в эту властную команду группу т.н. "силовики". Ее отторжение господствующим меньшинством является категоричным и непримиримым, но его никак нельзя представить как столкновение мировоззренческих матриц еврейского и русского народов.

Социальные инженеры и политехнологи, которые конструировали постсоветское пространство и его жизнеустройство, мыслили уже в категориях постмодерна, а не Просвещения. Политехнологи представляли общество не как равновесную систему классов и социальных групп, а как крайне неравновесную, на грани срыва, систему конфликтующих этносов (народов). По отношению к их программам Р. Шайхутдинов применил даже термин *демотехника* (от слова демос) - быстрое искусственное создание или демонтаж народов. Действительно, все эти программы и политическая практика никак не вписываются в категории классового подхода, но зато хорошо отвечают понятиям и логике учения об этничности (вплоть до того, что на разных стадиях конструирования и в разных обстоятельствах политехнологи явно используют альтернативные концепции этничности). Эта смена методологического оснащения проведена негласно, но она и не слишком замаскирована.

Если же и нам в целях анализа перейти на этот язык, то нынешняя РФ предстает как жесткое этнократическое государство. Здесь к власти пришел и господствует этнос (племя или народ), который экспроприрует и подавляет численное большинство населения, разрушает его культуру и лишает его элиту возможности выполнять ее функции в восстановлении самосознания населения как народа. Причем господствующая общность не только пользуется властью и привилегиями (это первый признак этнократии), но и присваивает себе государство в целом. Она выдает себя за единственную "настоящую" нацию и навязывает всему населению ту модель, к которой остальные обязаны приспособиться. Этот второй признак этнократии еще более важен, чем первый.

Однако и спектр этнократических государств широк. Этнократию РФ следует считать жесткой, что отражается прежде всего в аномально высокой смертности и резком разделении доминирующей общности и численного большинства по доходам. Близкой к нам по результатам (хотя и не по методам) аналогией можно считать Бурунди, которую и приводят как пример жесткой этнократии. Как пишет Нагенгаст: *"В Бурунди элитарная группа тутси, которую вскармливала немецкие колонисты до Первой мировой войны, а затем бельгийцы вплоть до независимости в 1960-х гг., начали в 1972 г. активные действия против большинства хуту с ярко выраженной целью если не полностью их уничтожения, то резкого уменьшения численности и убийства всех реальных и потенциальных лидеров. Результатом стал геноцид... Следующая резня, имевшая место в 1988 г., и еще одна в прошлом [1992] году нанесли большой урон хуту-язычным народам"*. Стоит добавить, что расследование актов геноцида хуту 1992 г. экспертами ООН привело к выводу, что они были организо-

ваны спецслужбами западных держав (вот почему сообщение об этом промелькнуло по западной прессе почти незаметно). Видимо проводился постмодернистский эксперимент по искусственной организации этнического конфликта с массовыми убийствами.

На первый взгляд, вышедший на арену и созревший в годы перестройки малый народ за 90-е годы добился успеха. Ему удалось в значительной мере ослабить патерналистский характер государства и произвести экспроприацию собственности у большинства населения, перераспределить, соответственно, и доходы. Но окончательной победы добиться не удалось - в частности, и по причине слишком устойчивого культурного генотипа Российской армии. А главное, большинство населения так и не поняло истинного смысла слова "демократия" и не считало, что оно - не народ. Как не считало особым народом ни "новых русских", ни интеллигенцию. Прежние представления в сознании большинства не были поколеблены, оно продолжало считать, что "можно договориться". Так и возникла необходимость во втором раунде революции, чтобы привести и охлос, и государственный аппарат в чувство.

Суть задачи теперь излагается нашему непонятливому охлосу открытым текстом. Известный американский политолог Фрэнсис Фукуяма в интервью газете "Syddeutsche Zeitung" (05.10.2004) говорит: *"Большинство россиян проголосовали за Путина и его партию. Создается впечатление, будто российское общество решило, что оно сыто свободами девяностых годов и теперь хотело бы вернуться к более авторитарной системе. Но ведь мы хотим не просто демократии большинства, а либеральной демократии. Именно поэтому Запад должен поддержать демократические группы в России"*.

Итак, "либеральные гуру", вроде Фрэнсиса Фукуямы, указали нам на ошибку. Мы считали себя народом, а демократию - властью большинства народа. Поэтому кое-кто даже удивлялся тому, что Запад явно поддерживает ничтожное меньшинство - какие-то "демократические группы в России". Да дело в том, что не нужна Западу никакая "демократия большинства". **Революцию приходится продолжать в более жесткой "оранжевой" форме именно потому, что и российскому демосу, и его западным покровителям нужна демократия меньшинства - "либеральная демократия"**. Чтобы не производить дорогостоящей замены всех институтов, служащих декорациями такой демократии, проще возбудить на время революционную толпу, придать ей звание "народа" и волею этой толпы (независимо от реальных итогов выборов) вручить власть специально подобранной команде.

Поскольку пересмотра культурных оснований у большинства жителей России не произошло (они были лишь дезактивированы и "рассыпаны"), осознать свою ошибку и извлечь уроки они не смогли. И в открытом столкновении с демосом в момент "оранжевой" революции большинство этому демосу проигрывает, что и показал очень красноречиво опыт Украины и Киргизии. Большинство считает, что обе вступившие в политический конфликт части населения являются частями одного народа и имеют право на одинаковый доступ к демократическому волеизъявлению. А демос и те, кого в него приняли на Майдане, считает, что голоса охлоса ничего не стоят, незачем их считать и о них спорить, а надо совершать революцию и отодвигать охлос от власти, которую он пытается узурпировать, размахивая своими избирательными бюллетенями. И сила этого демоса, даже если он невелик, заключается в его поддержке "мировым сообществом" и в слабости власти, которая обязалась не выходить за рамки "демократических" норм.

Р. Шайхутдинов пишет, анализируя опыт Киргизии в сравнении с "оранжевой" революцией: "Здесь снова, как и на Украине, сработала *демотехника* - техника работы с народом, создания народа и "увода" народа, из-за чего любая власть теряет опору и рушится. Какие условия для этого должны выполняться? Прежде всего, государству необходимо признать, что оно *демократическое*. Значит, оно не может противостоять народу. Оно должно выполнять волю народа, не может ни быть антинародным, ни тем более стрелять в народ, когда он стремится заявить свою волю".

В чем же слабость такого государства, помимо того, что оно обязуется "не стрелять в народ"? В том, что созданы эффективные технологии создания и демонтажа "народа", а ни население, ни власти постсоветских государств этого не понимают и бороться с этими технологиями не могут.

Шайхутдинов продолжает: "Дело в том, что сегодня, в условиях, когда любые идентичности могут достаточно легко формироваться и "обыгрываться", народ не существует естественно (как это было сто или двести лет назад) - народ можно быстро создать. Фактически любую группу граждан можно объявить народом и сформировать такую ситуацию, что право так называться за этой группой будет признано. В этом и состоит демотехника. И тогда эта группа автоматически становится неприкасаемой - ведь власть же объявила, что она не может противостоять народу! Следовательно, **даже небольшая группа людей, вошедшая в роль народа, практически смещает власть**. В Киеве было побольше народу, в Бишкеке - поменьше (писали о 700-1000 человек). И если власть объявляет о верховенстве закона, о том, что она не может в принципе стрелять в народ и разгонять его без введения особого положения по прописанной в конституции процедуре, то против этого "народа" она бессильна... В этих условиях мы получаем простой, эффективный и жестокий способ свержения всякой власти, которая объявляет себя демократической и действующей в рамках закона. (Здесь Р. Шайхутдинов делает примечание: *"Обратите внимание, что в свое время в Азербайджане подобная ситуация была пресечена быстро и очень свирепо. Но Азербайджан никогда не объявлял себя демократическим государством, его власти не клялись, что не будут стрелять в свой народ. Была выстроена династическая власть, народ это принял - и значит, таков суверенный азербайджанский порядок, как это ни кажется недопустимым кому бы то ни было"*.) Получается, что на постсоветском пространстве власть так устроена, что тот, кто объявил себя представителем народа, создал этот народ и повел за собою достаточное количество людей, может ее "сковырнуть". Достаточно некоторого упорства, обозначенности в публичном пространстве и принадлежности к чужой легитимности - той, которую власть уже утратила или никогда не имела... Сегодня можно назвать народом любую наперед заданную часть населения - и получить в руки фомку, против которой у власти, пыжащейся быть демократической, нет приема".

Надо подчеркнуть, что речь идет о слабости всей системы постсоветской государственности - и власти, и общества. Тот народ, который в здоровом советском обществе был *вместе с Отечеством*, что и придавало легитимность и силу государству, просто исчез, когда государство объявило себя не Отечеством, а либеральным "ночным сторожем". Российское государство, принявшее западные демократические институты, и не имеет права быть Отечеством - ибо это сразу объявят тоталитаризмом и рецидивом имперского мышления. Оно уже не может и обратиться за помощью к старому народу, у него уже нет для этого соответствующего языка. В 1991 г. советс-

кий народ еще был дееспособен, но он не понимал, что власть потеряла дееспособность и ее надо спасать.

В августе 1991 г. против советской власти выступил весь наличный состав нового народа, демоса - менее 1% населения Москвы. Остальные, узнав о том, что ГКЧП отстранил Горбачева от власти, успокоились и посчитали, что ГКЧП выполнит свою функцию и восстановит порядок (для чего тогда не требовалось даже минимального кровопролития). Затем люди с удивлением выслушали пресс-конференцию, на которой члены ГКЧП клялись в своей верности Горбачеву и перестройке, а еще через два дня с изумлением наблюдали, как из Москвы выводили войска, просто сдав страну Ельцину, - без боя и даже без переговоров.

Гипотетически мы можем себе представить, что ГКЧП обратился к населению: "Поддержите! Горбачев предатель, но мы бессильны, мы уже не можем действовать, как власть! Ваша поддержка спасет государство!" Можно с уверенностью сказать, что по меньшей мере миллион человек вышел бы на улицы Москвы, и демос просто разошелся бы по домам. И этот же миллион, обретя сам состояние народа, отвечающего за судьбу заболевшего государства, самим своим появлением заставил бы ГКЧП взять бразды и нести крест власти.

Точно так же, как минимум, половина украинцев ожидала, что президент Кучма, Верховная Рада, МВД, их кандидат Янукович выполнят свои функции власти, обяжут "оранжевых" разойтись по домам и ожидать решения уполномоченных инстанций.

Р. Шайхутдинов пишет: *"Если бы восток Украины объединился, объявил себя народом, занял бы площади - то власть бы удержалась: она бы занялась разделением, организацией коммуникации, введением общих для них принципов жизни. И это была бы подлинная власть. Но Л.Кучма заявил: "Разве это народ?" В каком-то смысле он был прав, потому что на Майдане Незалежности стоял не весь украинский народ, - но оказалось, что другого-то народа нет! Пытались проявить уважение к нему "днепчане шахтеры", то есть не народ же, а профессиональная и территориальная группа. Так же случилось в Киргизии, так же может случиться в России: власть в один прекрасный момент обнаружит, что народа у нее нет".*

Шайхутдинов прогнозирует, что **"оранжевая" революция в России пойдет по пути создания целого ряда новых народов**, в разных плоскостях расчленения общества - так, что легитимность государства РФ будет просто разорвана. Он мельком упомянул, что лидеры "прозападного" народа требуют от российской власти: "Отпусти народ мой" (так обращались евреи к фараону). Куда отпустить? В Европу.

Автоор, вероятно, не помнит, что на завершающей стадии перестройки идея исхода вовсе не была ветхозаветной метафорой. Она уже была "активирована" и стала действенным политическим лозунгом, так что СССР вполне серьезно уподоблялся Египту (главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдшмидт даже доказывал, обращаясь к Гематрии, разделу Каббалы, что "сумма значений слова "Мицраим" - "Египет" и "СССР" одинакова"). Да и В.В.Путин, выступая перед студентами, соблазнился и уподобил себя (впрочем, застенчиво) Моисею, водящему по пустыне свой народ, покуда не вымрут все, воспитанные в египетском рабстве.

Почему же идея *создания* народа нам кажется странной, а то и дикой? Только потому, что исторический материализм, в силу присущего ему *натурализма*, приучил нас, что обще-

ство развивается по таким же объективным законам, как и природа. Зарождаются в дикой природе виды растений и животных, так же зарождаются и развиваются *народы* у людей. Другое дело - *классы*. Для их возникновения нужны не только объективные основания в виде отношений собственности, но и сознательная деятельность небольших групп людей, которые вырабатывают *идеологию*. Эти люди, сами обычно из другого класса (как буржуа Маркс и Энгельс или дворянин Ленин), вносят эту идеологию в "сырой материал" для строительства нового класса и "будят" его. Тогда класс обретает самосознание, выходит из инкубационного состояния и претерпевает трансформацию из "класса в себе" в "класс для себя" - класс, способный к политическому действию.

В действительности, все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются и конструируются*. Чтобы семьи соединились в роды, а роды в племя, требовалось сформулировать жесткие культурные нормы (вроде табу на инцест) и выработать механизмы по надзору за их соблюдением. Это - явления культуры, а не природы. Чтобы возник и воспроизводился народ, требуется уже государственная власть, с ее жрецами, религиозными культами, границами и войском. Когда на раннем этапе Нового времени складывались национальные государства в Западной Европе, строительство нации считалось *священной обязанностью* государства. У антропологов в ходу поговорка: *"не нации порождают национализм, а национализм нации"*. Только тогда понятие "человек без национальности" стало почти невообразимым. (Стало считаться, как пишет антрополог, что "человек должен иметь национальность точно так же, как нос и два уха; отсутствие одного из этих элементов время от времени имеет место, но лишь как результат какого-то несчастья и само по себе является своего рода несчастьем".)

Народы большинства нынешних великих держав созданы совсем недавно, хотя некоторые из них и носят древние имена и унаследовали многое из своих древних культур (унаследовали то, что для них отобрали из этих культур "строители"). Современные японцы созданы в ходе большой сознательно выработанной программы модернизации - Реставрации Мэйдзи - во второй половине XIX века. Для собирания раздробленных феодальных кланов и общин был создан и политическими средствами утверждён миф об императоре и его божественном происхождении, внедрена государственная религия синтоизм, возбуждено чувство национализма, в который была заложена идея форсированного промышленного и технического развития.

Процесс строительства народа резко ускоряется в переломные моменты истории. Так, американский народ США был "собран" в ходе войны за независимость, и его "сборка" производилась отцами нации вполне сознательно, проект вырабатывался на совещаниях, как в КБ. Приходилось решать ряд новых задач - кого из пестрого этнического состава населения колоний и в каком статусе включать в число граждан "сверкающего города на холме" (например, немногочисленным выжившим индейцам права гражданства были предоставлены только в 1924 г., а негры долгое время выдерживались в статусе рабов). Государство США регулярно занималось "ремонтom и модернизацией" своего народа, устраняя те опасности, которые вызывали волны иммиграции (например, массовый наплыв ирландских и немецких католиков в 1840-1850-х гг., который угрожал размыть протестантское ядро государственной идеологии). Сейчас в США интенсивно разрабатывается новый проект нацистроительства ввиду быстрого изменения этнического состава населения. (Кратко обозначенные здесь про-

блемы были обсуждены в 1993 г. на международной конференции "Этничность и власть в полиэтнических государствах", материалы которой вошли в цитируемую здесь книгу под таким же названием.)

В ходе мексиканской революции в первой трети XX века было проведено конструирование и строительство современного народа Мексики. В это же время небольшая группа китайских интеллигентов-республиканцев выработала и стала осуществлять проект создания современного народа Китая. Старый народ, слабо скрепленный империей, был полностью "рассыпан" под ударами европейских держав, и в рассыпанном ("как куча песка") виде китайцы оказались не только политически недееспособны, но даже *нежизнеспособны*.

Это замечательно объяснил в своем исключительно важном сегодня для России труде "Три народных принципа" первый президент Китая Сунь Ятсен. Тогда европейски образованные националисты переосмыслили даже само слово "китаец" (хань), придав ему значение *национальности*, в то время как раньше оно означало *цивилизированность* - в противовес *варварству* тех, кто за Великой Стеной. Сунь Ятсен опирался на концепцию строительства советского народа, а мы почти ничего о ней не знаем и поддакиваем тем знающим, кто умело производил и производит демонтаж великого советского народа.

В XIX веке мы видим целенаправленное создание народов, у которых даже названия не было. Возникает даже особый тип духовных лидеров, которые этим занимались (в Чехии, а потом и у южных славян их называли "**будители**"). В лабораториях вырабатываются литературные языки и пишется история и мифология. В 1809 г. один филолог изобрел слово "словенцы" и сотворил национальное самосознание жителей одной местности. В XX веке она стала "суверенной страной", а сейчас вступила в этот статус в Европейский союз. Другая довольно большая диалектная группа славян, лужицкие сербы (сорбы), не получила такого будителя и в современной Европе никак не ощущается (хотя большинство деревень в южной Саксонии имеет сербские названия и немцы говорят, что "в них жили сорбы").

Известный чешский будитель Ян Коллар сам был словаком, но отстаивал идею единого чехословацкого языка и работал над созданием современного литературного чешского языка, хотя сам до конца жизни писал по-немецки. В Европе в 1800 г. было 16 письменных языков, в 1900 г. их число возросло до 30, а в 1937 г. - до 53. За каждым языком стоял созданный за короткое время народ.

Создание народов - плод целенаправленной деятельности государства, идеологов и деятелей культуры. За сто лет, с середины XIX века, была создана "новая историческая общность" - советский народ. Он имел все признаки большого народа и ряд признаков нации, гораздо более четко выраженные и устойчивые, чем, например, у индийской нации. Создание и демонтаж советского народа связан с такими острыми политическими конфликтами, что этот процесс совершенно мифологизирован и в советской, и в антисоветской истории. Поэтому более наглядным является следующий частный случай.

На наших глазах за 20-е годы XX века был создан **таджикский народ**, с развитым национальным самосознанием и культурой. Но ведь отцы нынешних таджиков даже не знали, что они таджики - о себе они говорили "я - мусульманин, персоязычный". В 1924 г. стал издаваться журнал "Голос таджикского бедняка", орган обкома ВКП(б) и исполкома Самарканда. "Голос бедняка" стал создавать историографию таджиков, печатать переводы выдержек из трудов русского востоковеда В.Бартольда. Статьи в журнале начинались с таких разъяснений: "Вот кто мы, вот где мы географически расположены, в каких районах проживаем, в каком районе что выращивается". Потом стали выпускать газету на таджикском языке. О ней "Голос бедняка" писал в 1924 г.: "*Газета - это язык народа, волшебный шар, в котором отражается мир, подруга в уединении, защитница угнетенных. Газета - источник бдительности, пробуждения народа. Да здравствует образование, да здравствует печать*". Газета помогла становлению таджикской светской школы.

За вторую половину XX века проблема создания народа стала предметом исследований и технологических разработок, основанных на развитой науке. Быстрому продвижению в этой области помог опыт фашизма, который за десять лет создал из рассудительных немцев совершенно новый самоотверженный и фанатичный народ, обладавший качествами, каких не было у того "материала", из которого он был создан. Поучительным был и опыт "демонтажа" этого нового народа после его поражения в войне. Таким образом, **дважды всего за тридцать лет была произведена "пересборка" большого европейского народа с великой культурой и огромной историей** (к тому же этот большой эксперимент этнической и социальной инженерии дополнен важным опытом параллельного строительства из части немцев особого народа ГДР, который вот уже более пятнадцати лет после ее ликвидации не может ассимилироваться с основной частью нации).

Подобные случаи "пересборки" больших народов мы наблюдаем в разных частях мира. В Иране, государственность которого строилась с опорой на персидские исторические корни, кризис привел к революции, которая свергла древнюю персидскую монархию и учредила теократическую республику, внедрившую в массовое сознание идеологический миф об исламских корнях иранского государства.

Мы можем переживать крушение духовных бастионов Просвещения с его идеалами разума и универсальных ценностей, с его рациональностью и логикой устройства общества и государства. Мы даже обязаны противостоять хаосу постмодернизма и искать способы укрепить и развить в новых условиях идеалы и нормы рациональности Просвещения. Но мы не имеем права игнорировать эти новые, ставшие реальностью условия. Чтобы овладеть хаосом, надо его знать. Если свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания этносов и народов, то бесполезно защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями. **Мы должны понять доктрины и оружие этих революций и войн, многому научиться - и противопоставить им свою доктрину и свое оружие.**